

В. И. Мусаев*

Православная Церковь в независимой Финляндии (1918–1930-е гг.)

На территории, вошедшей после 1917 г. в состав независимого Финляндского государства, распространение православия началось еще в период Средневековья. Согласно летописным данным, основание православного прихода в Кореле (Кексгольме), старейшего в Западной Карелии, относится к 1220-м гг. На основной территории Финляндии, находившейся до начала XIX в. в числе шведских владений, православное население было незначительным. В результате русско-шведской войны 1808–1809 гг. Финляндия получила статус автономного великого княжества под властью российского императора. Спустя 2 года к ней была присоединена Выборгская губерния с православным карельским и русским населением. В XIX – начале XX в. в крупных финских городах (Хельсинки, Турку, Тампере, Куопио, Йоэнсуу и др.) в результате роста русского населения были образованы православные приходы. В 1892 г. учреждена самостоятельная Финляндская епархия во главе с архиепископом Финляндским и Выборгским. Резиденция архиепископа находилась в Выборге, там же располагалась Финляндская духовная консистория¹. К 1917 г. паства Финляндской епархии насчитывала до 65 тыс. человек. В стране существовало 29 православных приходов. Из них 14 объединяли карельское население сельских приходов Приграничной и Приладожской Карелии, примерно 48 тыс. человек. В остальных 15 приходах, в основном городских, на Карельском перешейке из 17 тыс. прихожан почти 90% составляли русские. По количеству православных церквей и приходов Финляндия далеко превосходила другие неправославные страны Европы. Клир епархии включал в себя 40 приходских священников, 12 диаконов и некоторое число псаломщиков². На территории Финляндии находились 3 православных монастыря: Валаамский Спасо-Преображенский — одна из крупнейших и бога-

* © Мусаев В. И., 2007

Вадим Ибрагимович Мусаев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

тейших русских обителей, Коневский в честь Рождества Богородицы (и тот и другой были расположены на островах Ладожского озера) и женский Линтульский, основанный в конце XIX в. на Карельском перешейке.

В автономной Финляндии, где преобладающей конфессией являлось лютеранство и где даже после присоединения к Российской империи оставались в силе законы, ущемляющие права других исповеданий, положение православных церковных структур и верующих было непростым. События 1917 г. и последующих лет повлекли за собой новые проблемы и трудности. На положении православия и православных в Финляндии сказались политические перемены, связанные с образованием независимого Финляндского государства, а также изменения, происшедшие внутри самой Русской Православной Церкви. В 1917 г. в России после 200-летнего перерыва было восстановлено Патриаршество. На 1-м Всероссийском Поместном соборе 5(18) ноября 1917 г. Московский митрополит св. Тихон (Белавин) был избран Патриархом. В то же время по декрету об отделении Церкви от государства в 1918 г. православие утратило статус государственной религии, в Советской России начались антирелигиозные гонения. На судьбу русских церковных структур, оказавшихся за пределами России, оказал большое влияние разрыв в 1927 г. отношений между Временным Священным Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) и Московской Патриархией.

Уже в 1-й половине 1917 г. в связи с финансовыми трудностями Синод Русской Церкви не смог финансировать Финляндскую епархию, что вынудило Сенат Великого княжества увеличить субсидии для православной Церкви³. Вскоре после провозглашения независимости Финляндии в Россию переехали 9 священников, 3 диакона и несколько псаломщиков, в приходах начала ощущаться нехватка священнослужителей⁴. Дальнейшие события привели к ослаблению связей Финляндской епархии с Русской Церковью, а также к конфликтам и расколам внутри Финляндской епархии. В связи с провозглашением независимости Финляндии в церковных и правительственных кругах начал обсуждаться вопрос о преобразовании епархии в Финляндскую Церковь. Впервые подобные намерения прозвучали еще в апреле 1917 г. на собрании православных карелов в Сортавале⁵.

В январе 1918 г. на церковном собрании в Выборге был утвержден устав автономной Финляндской Православной Церкви. Согласно этому документу, Финляндская Церковь имела самостоятельность в вопросах своей внутренней жизни. В каноническом отношении Финляндская Церковь оставалась в подчинении Московского Патриарха, прерогативой которого было также назначение архиепископа. В гражданских и хозяйственных делах она подчинялась гражданскому управлению в Финляндии⁶. Для выработки мер по проведению преобразований внутри Церкви Сенат назначил комитет, в состав которого вошли протоиерей М. Казанский, священники С. Окулов, С. Солнцев и учитель Я. Хяркёнен, а его секретарем стал инспектор А. Садовников (Сомерсаари). Перечисленные деятели, так же как и бывший духовник великого князя Николая Николаевича отец Григорий (Хробостов), поддерживали идею обособления Финляндской Православной Церкви от Московской

Патриархии и финнизации православия в Финляндии⁷. У этих замыслов имелись, однако, противники, главным образом среди русского духовенства и русских прихожан. Так, против разрыва канонических связей с Русской Православной Церковью выступал архиепископ Финляндский и Выборгский Серафим (Лукьянов), избранный главой Финляндской епархии в августе 1917 г., после отъезда в Москву прежнего архиепископа Сергия (Страгородского)⁸.

Вопрос о статусе православной Церкви в Финляндии неожиданно был поднят на советско-финляндских переговорах в августе 1918 г. в Берлине (хотя в Советской России, где действовал декрет об отделении Церкви от государства, положение Церкви, тем более в сопредельном государстве, казалось бы, не должно было интересовать правительственные органы). Финская делегация следующим образом обрисовывала будущее положение Финляндской Православной Церкви в проекте двустороннего договора: «Находящаяся в стране греко-кафолическая Церковь образует на основе религиозной свободы автокефальную общину верующих, к которой переходит все имущество, которым обладала эта Церковь в Финляндии ко времени подписания настоящего договора, за исключением военных церквей, переходящих без вознаграждения в обладание Финляндского государства, причем эта Церковь подчиняется в отношении земельной собственности существующим теперь или имеющим быть изданным в будущем постановлениям относительно земельной собственности в Финляндии». Глава советской делегации В. В. Воровский в ответ заявил, что «строй Церкви нельзя изменять путем договоров», и выразил сомнение в том, что православной Церкви в Финляндии необходимо получить самостоятельность. При этом он сослался на пример католической Церкви, которая во всем мире руководится из одного центра. Воровский также возражал против отношения к военным церквям как к трофеям⁹. Член финской делегации профессор Р. Эрих высказал мнение, что «православной Финляндской Церкви нельзя давать приказания извне», относительно же военных церквей пояснил, что они не рассматриваются как военная добыча, «но раз в Финляндии нет войск, то их следует предназначить для пользования обыкновенных граждан». Советская делегация выдвинула контрпредложения по проекту договора. Пункт, касавшийся религиозного вопроса, гласил: «Граждане обеих договаривающихся сторон пользуются на территории другой стороны полной свободой вероисповедания и религиозного культа. Они имеют право организовываться в религиозные общины для осуществления духовных и материальных нужд их церкви, поскольку последнее не противоречит законам данной страны. Церковные здания и все церковное имущество, принадлежащее гражданам одной из сторон на территории другой, поступают в полную собственность церковных общин»¹⁰. Вопрос о канонической подчиненности Финляндской Церкви в этом проекте не затрагивался.

В воспоминаниях В. Таннера, принимавшего участие в составе финской делегации в советско-финляндских переговорах 1920 г. в Тарту, сообщается о том, что, когда финская сторона поставила вопрос об уступке в пользу Фин-

ляндии района Петсамо, советская делегация выдвинула требование ответной территориальной компенсации. В качестве одного из вариантов такой компенсации предлагалась передача России ладожских островов Валаам и Коневец¹¹. Однако больше к этому вопросу на переговорах не возвращались.

26 ноября 1918 г. на основе предложений, разработанных комитетом под руководством М. Казанского, финляндский Сенат утвердил «Положение о Финляндской Православной Церкви». Согласно «Положению», управление делами Финляндской Церкви было отнесено к компетенции правительства страны и утверждаемого им Церковного управления, которое начало свою работу 1 декабря. Высшим церковным органом власти был провозглашен Собор, прерогативой которого было решение внутренних вероисповедных вопросов. В компетенцию правительства входили образование епархий и приходов, утверждение на кафедрах епископов, определение обязанностей духовенства, открытие и закрытие монастырей. Процесс установления контроля светских властей над жизнью православной Церкви, начавшийся еще до провозглашения независимости Финляндии, таким образом, продолжился: деятельность Церкви оказалась в полной политической, административной и финансовой зависимости от государства. В «Положении» отсутствовали указания на каноническую подчиненность Финляндской Православной Церкви¹². В финской прессе активно отстаивался тезис о том, что эта Церковь должна быть автокефальной и независимой от России¹³.

В июне 1919 г. собрался чрезвычайный церковный Собор, на котором было принято решение об автокефалии Финляндской Православной Церкви. По мнению участников Собора, условия для полной церковной самостоятельности пока не сложились, поэтому необходимо получить от Московского Патриарха автономию «в наиболее широкой форме». Было также принято решение об учреждении викариатства Финляндской архиепископии для управления карельскими приходами, викарным епископом был избран протоиерей М. Казанский. Его местом пребывания был определен город Сортавала, там же располагалось и Церковное управление.

На этом же Соборе высказывалась идея объединения православных Церквей Финляндии, Эстонии и Карелии. Каждая часть этого церковного сообщества стала бы автономной, а общее руководство автокефальной Церковью должно было осуществлять «высшее церковное правительство», составленное из представителей всех ее автономных частей¹⁴. Политическая разобщенность 3 частей предполагаемой единой Церкви стала, однако, главным препятствием на пути осуществления этого замысла¹⁵. 20 октября 1919 г. в Церковное управление поступило предписание Министерства церковных дел и просвещения, которым утверждалось предложение Собора о делении епархии на 6 округов. В 1-й округ были включены приходы крупных финских городов: Хельсинки, Турку, Котка, Хамина, Хямеенлинна и Вааса, во 2-й — приходы в юго-восточной Финляндии и на Карельском перешейке: Выборг, Лаппеенранта, Куоккала, Келломяки, Терийоки, Райвола, Мустамяки, Уусикиркко и Кююрёля, остальные 4 округа объединяли главным образом приходы Западной Карелии¹⁶.

В феврале 1921 г. Патриарх Московский и всея Руси св. Тихон, рассмотрев прошение Церковного управления Финляндской Православной Церкви, признал ее автономию в юрисдикции Московской Патриархии. Финляндская Церковь наделялась правом самостоятельно решать вопросы внутреннего управления, хозяйства и просвещения¹⁷. Вопрос о полной автокефалии, таким образом, не ставился. Однако в июне 1922 г., вскоре после ареста Патриарха, Церковное управление созвало очередной церковный Собор Финляндской Православной Церкви. В соответствии с решениями Собора управление подготовило обращение к Константинопольскому Патриарху Мелетию о принятии Финляндской Церкви в его юрисдикцию. Другим решением Собора стали выборы Карельского викарного епископа (прежний викарий незадолго до того скончался). Большинством голосов (38 против 17) была одобрена кандидатура эстонского священника Германа Аава, выпускника Рижской Духовной семинарии, который ранее служил настоятелем церкви на острове Кууренсаари и благочинным округа¹⁸. В июле 1923 г. Константинопольский Патриарх удовлетворил ходатайство Церковного управления о принятии Финляндской Православной Церкви в свою юрисдикцию¹⁹. 8 июля Патриарх Мелетий утвердил Германа Аава викарным епископом Карельским²⁰. Финляндская Православная Церковь была разделена на 2 епархии под управлением архиепископа Выборгского и всея Финляндии и епископа Карельского. Эти шаги были неодобрительно восприняты в Москве. Синод Русской Церкви выдвинул требование о «возвращении церковных дел в Финляндии в их законное положение», а Финляндской епархии — под юрисдикцию Московской Патриархии. Церковное управление отказалось выполнить это требование и подтвердило отделение Финляндской Православной Церкви от Москвы²¹.

Действия Церковного управления вызвали резкое противодействие со стороны архиепископа Серафима и его сторонников внутри Финляндской Православной Церкви. Архиепископ Серафим старался следовать указам Синода Русской Православной Церкви и Патриарха Тихона, не скрывал своего отрицательного отношения к мероприятиям правительства Финляндии и Церковного управления и не соглашался со многими решениями местных церковных Соборов. Он выступал против автокефалии Финляндской Православной Церкви и не проявлял желания сотрудничать с викарным епископом Германом. Известны слова архиепископа: «Я как архипастырь вверенной мне Богом Церкви ни под каким видом не могу признать ни своей Церкви, ни самого себя автокефальным»²². В ряде финских газет развернулась кампания против архиепископа Серафима, которого обвиняли в попытках русификации православной Церкви в Финляндии и интригах против епископа Германа. В некоторых статьях содержались требования отрешения Серафима от должности²³. Архиепископа поддерживали монахи финляндских православных монастырей и некоторые приходы с русским населением. В середине 1923 г. Валаамский монастырь и члены хельсинкского православного прихода обратились в Государственный совет с представлением в защиту архиепископа Серафима. В нем отрицались выдвинутые против архиепископа обви-

нения, указывалось на ошибочность тезиса о том, что отделение Финляндской Церкви от Московской Патриархии должно было вытекать из факта государственной независимости Финляндии. Вопрос об автокефалии, писали авторы представления, является не государственным, а церковным, и решать его может лишь высшая церковная власть. Они отмечали при этом, что в юрисдикции Патриарха Тихона находятся православные церковные организации ряда стран, в том числе Америки и Японии. По поводу конфликта архиепископа Серафима с епископом Германом обращалось внимание на неканоничность избрания последнего на должность епископа как гражданина иностранного государства, не владеющего к тому же финским языком²⁴. События вокруг Финляндской Православной Церкви привлекли к себе внимание и в СССР. В статье «Преследование православной Церкви в Финляндии», которая была в августе 1923 г. опубликована в «Известиях», политика финского руководства по отношению к православной Церкви была названа «грубым вмешательством государственной власти во внутреннее дело Церкви», а новый епископ Карельский был охарактеризован как орудие правительственных интриг в Карелии²⁵.

Со своей стороны руководство РПЦЗ стремилось поставить под свое начало все зарубежные русские православные епархии и приходы, в том числе Финляндскую Церковь. Политика Синода РПЦЗ привела к конфликту его с экзархом приходов Западной Европы митрополитом Евлогием (Георгиевским), который отказался подчиниться Синоду и отделиться от Московской Патриархии. Позднее митрополит Евлогий признал за Константинопольской Патриархией «особые права на окормление епархий, отрезанных от своей автокефалии», и стал рассматривать свои приходы в Западной Европе «на одинаковом положении» с Финляндской и Эстонской Церквями. Политика Синода РПЦЗ вызывала противодействие и со стороны Церковного управления Финляндской Церкви и поддерживавших его финских властей. Учреждениям Финляндской Православной Церкви были запрещены официальные отношения с епископами РПЦЗ. Связь архиепископа Серафима с Синодом РПЦЗ, который Финляндский архиепископ считал «законным преемником высшей власти автокефальной Российской Церкви», была одним из основных обвинений, которые против него выдвигались. Константинопольский Патриарх также высказал свое неодобрение деятельности Синода РПЦЗ и признал незаконными его решения в отношении митрополита Евлогия. К мнению Патриарха присоединились Карельский епископ Герман и православные епископы в Латвии и Литве²⁶.

Процесс финнизации православия, наметившийся еще в имперский период, продолжился в независимой Финляндии. Помимо установления государственного контроля над православной Церковью, это выражалось в постепенном переходе православного духовенства и прихожан в финляндское гражданство, увеличении числа этнических финнов среди духовенства, более активном использовании финского языка в богослужении и в переводе богослужебных книг на финский язык. 3 марта 1923 г. Государственный совет издал постановление о переводе службы в православных храмах в течение

года на финский или шведский языки. Всем православным священникам предписывалось в 6-месячный срок сдать экзамен по финскому языку и в 9-месячный — по шведскому. Не подчинившимся священнослужителям грозило увольнение²⁷. Архиепископ Серафим не спешил, однако, проводить в жизнь это постановление, что служило дополнительным поводом для давления на него.

Еще одним обвинением против архиепископа Серафима и его сторонников было сопротивление введению в Финляндской Православной Церкви григорианского календаря. Вопрос о календарном стиле наряду с проблемой автокефалии был еще одним камнем преткновения в отношениях между сторонниками «финского» и «русского» направлений внутри Финляндской Церкви. Григорианский календарь использовался в гражданской жизни в Финляндии еще в великокняжеский период. После провозглашения страной независимости сторонники преобразований внутри Финляндской Церкви попытались ввести новый календарный стиль и в церковную жизнь. Как отмечалось в письме валаамских иноков, Патриарх Тихон еще в 1917 г. предоставил право архиепископу Серафиму «разрешать духовенству тех приходов, где это окажется неизбежным, совершать в праздничные дни положенное по уставу праздничное богослужение по новому стилю»; о Пасхе речь, однако, не шла. Таких приходов, по утверждению авторов письма, оказалось около 5. Однако вопреки данному разрешению в них стали праздновать по новому стилю не только «неподвижные» праздники, но и «подвижные», в том числе и Пасху²⁸. В октябре 1921 г. церковный Собор в Сортавале принял решение о переходе Финляндской Православной Церкви на григорианский календарь и об обращении к Патриарху Тихону с просьбой дать на это свое благословение. Патриарх в ответном послании отказался благословить переход на новый стиль, сославшись на то, что этот вопрос он не может решать единолично и что подобное решение является прерогативой всей Вселенской Церкви²⁹. По решению Церковного управления меморандум Патриарха не был опубликован в Финляндии, но его копии появились в приходах и вызвали у части православных недовольство реформаторскими мероприятиями.

Архиепископ Серафим поначалу поддержал принятие григорианского календаря, однако, ознакомившись с ответом Патриарха Тихона, он счел себя обязанным подчиниться его предписанию и принять меры к возвращению старого стиля. Министерство церковных дел и просвещения в письме архиепископу Серафиму от 31 декабря 1921 г. предостерегло его, однако, от каких-либо насильственных мер против сторонников нового стиля. На церковном Соборе 1922 г. архиепископ Серафим предложил отмечать праздники и по юлианскому, и по григорианскому календарям в зависимости от предпочтений конкретного прихода. Собор тем не менее принял решение сохранить новый стиль. Архиерей отказался утвердить это решение³⁰. 10 июля 1923 г. Серафим получил послание от Константинопольского Патриарха Мелетия, который сообщал о решении, принятом на недавно проведенном совещании православных Церквей, о введении нового стиля во всех православных государствах. «Вам придется, без сомнения, незамедлительно распро-

странить действие нового стиля на все приходы архиепископии, ибо со стороны православных Церквей решено окончательно принять оный к употреблению и в церковном отношении с начала будущего октября месяца»³¹, — писал Вселенский Патриарх. Конфликт архиепископа Серафима со сторонниками преобразований внутри Финляндской Православной Церкви закончился вмешательством светской власти. Указом президента Финляндии К. Й. Стольберга от 29 декабря 1923 г. архиепископ Серафим был отстранен от управления Финляндской Церковью и отправлен в Коневский монастырь. Должность архиепископа Финляндского была временно упразднена³². В 1925 г. архиепископом Карельским и всея Финляндии был избран Герман (Аав)³³. Выборг окончательно уступил свое место в качестве центра финляндского православия Сортавале, куда переместилась резиденция архиепископа и где располагалось Церковное управление.

Отрешение архиепископа Серафима от должности не привело к прекращению противоречий внутри Финляндской Православной Церкви. Наиболее продолжительным оказался конфликт вокруг перевода Церкви на григорианский календарь. В центре этого конфликта оказались финляндские православные монастыри, прежде всего самый крупный и влиятельный из них — Валаамский. Прежде чем охарактеризовать роль Валаамского монастыря в борьбе вокруг календарной реформы, следует сказать несколько слов о его истории в первые годы независимости Финляндии.

Период 1910-х — 1-й половины 1920-х гг. стал временем серьезного кризиса в жизни одной из богатейших в недавнем прошлом русских православных обителей. Трудности наступили еще в годы Первой мировой войны, когда 164 послушника были призваны в армию³⁴. Потеря рабочих рук, конечно, отрицательно сказалась на хозяйственном положении монастыря. Однако основные испытания наступили после отделения Финляндии от России. Осенью и зимой 1917/18 г. монастырь остался без постоянной связи с материком. Закрытие границы привело к полному разобщению с Россией: перестали приезжать паломники, прекратилась доставка газет и корреспонденции. Антирусские настроения, распространившиеся в Финляндии, создавали угрозу и для учреждений православной Церкви³⁵.

В начале весны 1918 г. Валаамский монастырь находился под угрозой нападения со стороны хулиганствующих элементов. В «Монастырской летописи о великой войне 1914–1918 гг. и о последующих событиях» эти дни были описаны следующим образом: «Толпа береговых хулиганов собралась идти на Валаам с целью грабежа и погрома, но милосердие Божие отвратило их злое намерение, и обитель осталась невредима в эти тревожные дни»³⁶. Вскоре слухи о возможном нападении появились вновь, о чем в упомянутой «Летописи» было записано: «Следующие дни 7 и 8 марта были проведены в большой тревоге: возможность нападения на Валаам окрестных хулиганов подтверждалась, слухи об этом росли и ширились, увеличивая и без того подавленное настроение. В целях самозащиты на колокольне был установлен посменный дозор из братии, а по ночам по всем путям в монастырь и в самой обители устанавливался караул из лиц, могущих владеть оружием.

Настроение братии было таково, что многие исповедовались и причащались Святых Тайн на случай смертной опасности»³⁷. Ожидаемое нападение, к счастью, не состоялось.

Определенное беспокойство монастырскому руководству и братии внушало намерение финских властей устроить на островах Валаамского архипелага 24 (11) июня празднование лютеранского Иванова дня (Юханнуса). Но и эта напасть минула обитель: как свидетельствовала «Летопись», «густой туман, покрывший сплошной пеленой все озеро и окрестность, не позволил пароходам придти на Валаам и устроить здесь шумное веселье»³⁸. В апреле над Валаамским архипелагом, ставшим пограничной территорией, был установлен контроль финских военных властей. На островах разместились военный гарнизон, был назначен военный комендант, которого монахи стали называть «военным начальником монастыря». Въезд на острова частным лицам был запрещен, вследствие чего за лето 1918 г. в монастырь не прибыло ни одного богомольца. На Авраамиевском острове был устроен концентрационный лагерь для пленных красногвардейцев³⁹. В 1918–1919 гг. на Валааме развернулись интенсивные работы по строительству фортификационных сооружений, размещены несколько артиллерийских батарей, в акватории архипелага поставлены минные поля. Монастырское имущество и продукты военные реквизируют, но компенсируют их деньгами⁴⁰.

Продолжалось сокращение численности монастырской братии и послушников, начавшееся еще во время войны. Некоторые монахи были исключены из монастыря за сочувствие России, несколько человек погибли от голода и эпидемии⁴¹. Всего же с 1908 по 1926 г. количество монастырских насельников сократилось с 1401 до 431 человека⁴². Необходимость экономии средств и уменьшение числа насельников вынудили руководство монастыря с 1916 г. приступить к закрытию части монастырских скитов. К началу 1920-х гг. незакрытыми остались только скиты Предтеченский, Тихвинский и Всех Святых⁴³. В мае 1919 г. 71 житель монастыря направил в Церковное управление прошение о переходе в финляндское гражданство, тогда как 189 человек изъявили желание остаться в российском подданстве⁴⁴. Постепенно число граждан Финляндии среди валаамских насельников увеличивалось. К 1926 г. 109 членов монастырской братии имели финляндское гражданство, 322 человека сохраняли российское⁴⁵.

В начале 1920-х гг. Валаамский монастырь был вовлечен в затяжной конфликт по поводу перехода Финляндской Церкви на григорианский календарь. Поначалу, как только новый календарь был принят, финляндские монастыри подчинились указаниям церковного руководства. Однако после отказа Патриарха Тихона благословить нововведение Валаамский, Коневский и Линтульский монастыри обратились в Церковное управление с просьбой сохранить для них юлианский календарь. В борьбе вокруг календарного стиля сыграла свою роль позиция, которую занял глава РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий). Антоний имел давние связи с Валаамской обителью. Еще в 1917 г., когда он был временно отрешен от управления Харьковской архиепископией, он провел здесь несколько месяцев. Находясь в эмиграции,

он изъявлял желание приехать в Финляндию и постоянно обосноваться на Валааме, однако ему не удалось добиться получения финской визы⁴⁶. Поначалу митрополит Антоний советовал валаамским монахам не противиться введению нового стиля. В письме на Валаам от 14 ноября 1921 г. он, в частности, писал: «Что касается до нового стиля, то хотя и грустно праздновать Рождество Христово и Пасху не вместе со всею Христовою Церковью, но пока сношений с Россией нет, еще грустнее было бы для Валаамской обители праздновать не вместе с православною финляндскою паствою, и когда уже последняя перешла на новый стиль, то оставаться на старом не пристало и для Вашей св[ятой] обители»⁴⁷. Однако позднее тональность писем митрополита резко изменилась: он стал призывать сторонников старого стиля твердо стоять на своем. Его призывы оказывали влияние на «старостильников». Их упорство не было поколеблено даже после того, как стало известно о том, что съезд представителей православных Церквей летом 1923 г. принял решение о канонической допустимости нового календарного стиля и что Патриарх Тихон дал на это свое благословение.

Волнения в монастыре усилились накануне Пасхи 1924 г., когда монахи стали добиваться разрешения церковных властей праздновать ее по старому стилю. Монастырь вступил в конфронтацию с Церковным управлением и епископом Германом. Последний обратился в Константинопольскую Патриархию с запросом о праздновании Пасхи в 1925 г. и получил указание праздновать по новому стилю⁴⁸. В 1925 г. епископ созвал Поместный собор Финляндской Церкви, на котором большинством голосов было принято решение «вопрос о стиле... считать навсегда поконченным и больше не принимать его на рассмотрение». Представители монастырей, однако, объявили это решение неканоническим и заявили, что не будут ему подчиняться⁴⁹. Конфликт между Валаамским монастырем и Церковным управлением пытался разрешить бывший Финляндский архиепископ митрополит Сергей (Страгородский). В послании члену управления С. Солнцеву он недоумевал, почему новая церковная власть не может проявить снисхождение по отношению к валаамским монахам, желающим отмечать церковные праздники по старому стилю. Монастырю в то же время Сергей советовал не прерывать отношения с «новостильниками» и «каноническим и законным» епископом Германом. Монастырское руководство также спрашивало совета у митрополита Евлогия, с благословения которого епископ Вениамин (Федченков) советовал монахам согласиться на новый стиль⁵⁰.

Часть монастырской братии согласилась подчиниться указаниям церковного руководства, однако некоторые продолжали упорствовать. Новое обострение конфликта вокруг стиля началось после визита в Финляндию в сентябре 1925 г. представителя Константинопольского Патриарха митрополита Германа, которого Синод направил для изучения обстановки в Финляндской Православной Церкви. В программу поездки Германа входило посещение Валаамского монастыря и служение там литургии и всенощного бдения совместно с епископом Германом. Большинство братии, однако, не явились на богослужение — многие ушли в лес, другие скрывались в кельях. Пятеро

соборных иеромонахов, уклонившихся от службы, отправили в адрес епископа Германа объяснение, в котором писали, что признают его как архиерея, но ввиду нарушения канонов от церковного общения с ним отказываются. Церковное управление отстранило этих иеромонахов от занимаемых ими должностей, а епископ Герман запретил им священнослужение. По распоряжению Министерства церковных дел и просвещения по делу валаамских монахов началось следствие, которое проводили священники Н. Варфоломеев и С. Окулов. Были опрошены монахи, из которых 137 человек заявили об отказе служить по новому стилю и иметь молитвенное общение с епископом Германом и игуменом монастыря Павлином⁵¹.

Кампания неповиновения продолжалась в Валаамском монастыре и в следующем году. В декабре 1925 г. в финляндское Церковное управление поступило послание Вселенского Патриарха, в котором содержалось предписание отмечать Пасху 1926 г. всем без исключения по григорианскому календарю⁵². Часть братии, однако, вновь отнеслась к этому негативно. Игумен Павлин, который ранее пытался преодолеть монастырскую оппозицию, на этот раз отказался от борьбы. После прочтения послания Вселенского Патриарха о праздновании Пасхи на собрании в монастыре он сказал, что выполнение им данного распоряжения может вызвать новый раздор среди братии: «Ввиду этого нравственный долг побуждает меня для внутреннего мира нашей обители праздновать Пасху по старому стилю, что и будет исполнено. Хотя возможно, что за это меня церковная власть привлечет к ответственности»⁵³. Инцидент во время визита митрополита Германа и продолжение «смуты» в Валаамском монастыре побудили Церковное управление и поддерживавшие его светские власти к решительным действиям. Дело 137 монашествующих было передано на рассмотрение управления⁵⁴. 40 человек были сосланы в дальние скиты. 43 монаха, 12 из которых имели финляндское гражданство, были привлечены к церковному суду⁵⁵. Суд вынес решение о выселении с Валаама 31 монаха (еще один сам изъявил желание покинуть обитель) и высылке их в Сербию или Россию (по сведениям полиции, валаамские и коневские монахи, собиравшиеся выехать в Сербию, среди которых были и такие, кто не принимал участия в кампании протеста, намеревались основать там собственный монастырь)⁵⁶. Лишь после этих репрессивных мер большинство оставшихся насельников Валаамского монастыря согласились принять григорианский календарь⁵⁷.

Конфликты, связанные с переходом на новый стиль, имели место не только на Валаама. Так, в сводке сысской полиции сообщалось о неофициальном собрании 15 февраля 1925 г. членов хельсинкского православного прихода, на котором критиковалась политика епископа Германа и Церковного управления в области календаря. После этого священник Васильев отказался совершать пасхальные службы по новому стилю. 120 голосами против 80 был поддержан старый стиль⁵⁸. 7 декабря 1925 г. протоиерей Григорий Светловский был по распоряжению Выборгского губернатора выселен из Терийоки в Выборг за пасхальное богослужение в 1925 г. по старому стилю⁵⁹. В Коневском монастыре в начале 1926 г. против распоряжения Вселенского Патриарха

о праздновании Пасхи выступил игумен Амфилохий, поддержанный частью монастырского руководства и братии. Церковное управление под председательством епископа Германа 8 февраля 1926 г. приняло решение отрешить от должности Амфилохия и четверых членов монастырского правления⁶⁰. Дело игумена Амфилохия и еще 10 человек (6 иеромонахов, 3 иеродиакон и 1 монах) рассматривалось в июле того же года в церковном суде под председательством протоиерея С. Солнцева. За отказ признать новый стиль и подчиниться указаниям архиепископа Германа суд вынес решение подвергнуть указанных лиц наказанию⁶¹. На Карельском перешейке, по сведениям терийокского отделения Центральной сыскной полиции, в 1926 г. отмечать Пасху по старому стилю собирались в Кююрёля, Линтула, Перкьярви и Ваммелсуу⁶². Как сообщал инспектор А. Садовников, члены приходов Карельского перешейка заявили, что они не хотят прерывать связи с Синодом РПЦЗ и подчиняться порядкам, установленным в Финляндской Православной Церкви⁶³.

В 1926 г. протоиерей Григорий Светловский, высланный из Терийоки, и несколько активных прихожан основали в Выборге Покровскую общину, которая перешла в ведение экзарха западноевропейских приходов митрополита Евлогия. В следующем году в Хельсинки группа прихожан основала Никольскую общину, которая также стала придерживаться юлианского календаря. В 1938 г. община выстроила себе церковь в столичном районе Тёлё. В 1939 г. Покровская община переехала из Выборга сначала в Кангасниemi, а затем в Хельсинки. Уже после Второй мировой войны, в 1951 г., для общины был построен храм в районе Мунккиниemi⁶⁴. В Выборге православные финны, придерживавшиеся григорианского календаря, решили основать собственный приход. Соответствующее решение было принято на учредительном собрании в Ильинской церкви в начале мая 1929 г.⁶⁵ В Хельсинки стало наблюдаться разделение прихожан на языковые группы.

Таким образом, в 1920-х гг. финляндские православные приходы фактически разделились на финско-карельские, где богослужение совершалось на финском языке и церковные праздники отмечались по григорианскому календарю, и русские, где использовались церковнославянский и русский языки и частично сохранялся юлианский календарь. Состав приходов русских церквей после 1917 г. претерпел изменения, поскольку часть русского населения Финляндии в первый год независимости этой страны была выслана или выехала в Россию, но позднее на их месте появились беженцы⁶⁶. Точных данных об общей численности русских прихожан нет, имеются лишь сведения по отдельным приходам⁶⁷. Русские приходы в Финляндии играли важную роль в духовной жизни русской диаспоры. Особое место в сохранении элементов русской культуры продолжали занимать православные монастыри. Ведущее место среди них по-прежнему занимала Валаамская обитель.

Во 2-й половине 1920-х гг. конфликт Валаамского монастыря с руководством Финляндской Церкви был преодолен и монастырь подчинился Церковному управлению Финляндской Православной Церкви. Игумен Павлин оставил свою должность в марте 1933 г., настоятелем стал его бывший помощник Харитон. Последний был активным проводником календарных и канонических

нововведений, проводимых руководством Финляндской Православной Церкви. К середине 1930-х гг. в монастыре насчитывалось около 200 монахов⁶⁸. К тому времени число насельников, имевших и не имевших финляндского гражданства, сравнялось (в 1937 г. 146 человек имели финляндское гражданство, 147 не имели). Продолжала возрастать роль финского языка: с начала 1930-х гг. в трех монастырских церквях (св. апостолов Петра и Павла, Успенской и Воскресенской) совершались богослужения на финском языке, на финском языке стали преподавать в школе-приюте при монастыре⁶⁹. В 1920 – 1930-х гг. Валаам неоднократно служил местом проведения собраний и съездов финляндского духовенства и мирян и других общественных мероприятий.

Свидетельством той роли, которую монастырь играл в общественной жизни Западной Карелии, стало посещение Валаама президентом Финляндии К. Й. Стольбергом в июне 1920 г.⁷⁰ Визит президента положил начало традиции посещения монастыря государственными деятелями Финляндии. В разные годы на Валаам приезжали президенты Л. Реландер, К. Каллио, премьер-министры, члены правительства, губернаторы. Не раз бывал на островах генерал К. Г. Маннергейм как гость монастыря и позднее, в 1930-х гг., как председатель Совета обороны. Монастырское начальство придавало особое значение отношениям с Маннергеймом, оно ставило генералу в заслугу покровительство монастырю в первые годы существования Финляндской республики. Валаамский монастырь поддерживал связи с деятелями русской эмиграции в Финляндии и других странах, в частности, с великим князем Николаем Николаевичем, который был основателем одного из валаамских скитов, имел в монастыре личного духовника. Монастырь проводил отдельные акции по оказанию помощи политическим эмигрантам из России⁷¹.

Монастырская библиотека насчитывала в 1930-х гг. около 30 тыс. томов и была богатейшим хранилищем книг в Финляндской Православной Церкви. Монастырь оказывал помощь ряду эмигрантских приходов церковной утварью и богослужебной литературой, недостаток которой за границей остро ощущался. Некоторые валаамские старцы сами были авторами духовно-назидательных произведений. В 1926–1939 гг. при поддержке Валаамского монастыря в Финляндии выходила церковная газета «Утренняя заря» (русскоязычный вариант газеты «Aamun koitto», издававшейся братством святых Сергия и Германа Валаамских с конца XIX в.). Экономическое положение Валаамского монастыря стабилизировалось. С размещенным на островах военным гарнизоном было налажено тесное сотрудничество. Гарнизон арендовал у монастыря жилые и хозяйственные строения. Доходы от аренды, а также от продажи военным дров и продуктов стали важной статьёй монастырского бюджета⁷². У монастыря еще в 1920-х гг. имелся собственный пароход «Сергий», который летом курсировал между Валаамом и Сортавалой, на остров ходили и другие суда. Продолжали работать монастырская гостиница на 194 номера и ресторан, причем проживание и питание предоставлялись теперь за плату⁷³. В 1930-х гг. было возрождено значение Валаама как крупного паломнического и туристского центра. Обслуживание паломников вклю-

чало в себя пассажироперевозки, гостиничные услуги, ресторанное питание, прокат моторных и весельных лодок, экскурсионное обслуживание с предоставлением гужевого транспорта, проводников и гидов-переводчиков, владеющих европейскими языками. Число паломников, приезжавших на Валаам, постоянно росло: в 1929 г. на островах побывали 16 тыс. человек, в конце 1930-х гг. ежегодно приезжали около 30 тыс., среди них преобладали граждане Финляндии. Всего за 10 лет архипелаг посетили паломники из 30 стран⁷⁴.

К 3 православным монастырям, находившимся на территории Финляндии еще в великокняжеский период, прибавился 4-й: на территории округа Петсамо, отошедшего к Финляндии по условиям Тартуского мирного договора 1920 г., находился Печенгский Свято-Троицкий монастырь. Во время Гражданской войны монастырь понес немалые потери. Игумен Печенгского монастыря Иакинф в письме к валаамской братии в марте 1922 г. жаловался на то, что большевики захватили много монастырского имущества, около тысячи книг мирской литературы (духовную не тронули). Перед переходом монастырской территории под власть Финляндии советские власти намеревались перевезти всех монахов в Мурманск, но выполнить этот замысел им не удалось. В Финляндии монастырь также переживал нелегкие времена: его земельная собственность подверглась частичной конфискации, число насельников после закрытия границы заметно снизилось. До начала советско-финской («Зимней») войны монастырь продолжал существовать и стал важным центром паломничества и туризма: к концу 1930-х гг. его посещали ежегодно более 12 тыс. человек⁷⁵.

Коневский монастырь, который с июля 1930 г. возглавлял иеромонах Маврикий (архиепископ Герман утвердил его в должности игумена в следующем году), в 1930-х гг. сумел стабилизировать свое хозяйственное положение. В обители в начале десятилетия жили 75 человек, из них 28 финских граждан и 47 лиц с другим гражданством или без гражданства. К монашескому званию, кроме игумена, принадлежали 19 человек (15 иеромонахов и 4 иеродиакона). Средства к существованию братия добывала главным образом за счет сельского хозяйства. Монастырю принадлежали 43 га пахотных земель и 54 га пастбищ. Монастырское стадо насчитывало 40 голов. Часть доходов монастырь получал от продажи военным дров, молока и продуктов. С 1931 г. монастырь начал издавать газету «Konevitsan luostarin tervehdys», тираж которой доходил до 5 тыс. экземпляров, в 1933–1934 гг. выходило издание на русском языке «Коневский листок». Коневец также привлекал к себе внимание паломников и туристов, хотя и не такое значительное, как Валаам: на остров ежегодно приезжали 2–3 тыс. человек, главным образом из Кексгольма, Выборга и с Карельского перешейка. Маршал Маннергейм однажды приезжал повидаться с игуменом Маврикием, с которым был знаком еще со времени своей учебы в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге⁷⁶.

Свои особенности имела проблема духовного окормления православных беженцев из Восточной Карелии, которых в начале 1920-х гг. в Финляндии насчитывалось более 10 тыс. человек (к концу десятилетия их число сократилось до 5–6 тыс.). Выходцы из Олонецкой Карелии селились главным

образом на территории Приладожской Карелии. Здесь издавна действовали православные приходы для местного населения, к которым беженцы могли присоединяться. В то же время беломорские карелы в Северной Финляндии оказались в преимущественно лютеранском окружении. В январе 1922 г., во время массового наплыва беженцев из Восточной Карелии, вопрос об их окормлении рассматривался на совещании православного духовенства в Сортавале под председательством протоиерея С. Окулова. В соответствии с решением совещания его участники обратились в Государственный совет с просьбой приступить к организации духовной работы среди восточнокарельских беженцев. Уже в конце месяца правительство выделило для этой цели денежные средства. Руководить духовным призрением беженцев был назначен бывший настоятель прихода Реболы вепс Михаил Филин (Микаэль Фиилин). В организационном отношении беженцы составляли особый приход.

Поскольку беженцы были разбросаны на обширном пространстве, территория их расселения в соответствии с циркуляром Министерства внутренних дел осенью 1922 г. была разделена на 4 попечительских округа⁷⁷. Канцелярия духовного призрения находилась в Йоэнсуу, где М. Филин с 1923 г. состоял настоятелем православного прихода. В 1931 г. число членов карельского беженского прихода, согласно церковным книгам, насчитывало 5319 человек⁷⁸. Помощь в проведении духовной работы среди беженцев оказывало Братство святых Сергия и Германа Валаамских. Его члены ездили по стране с проповедями среди беженцев, раздавали им духовную литературу. Пастырские поездки к беженцам в середине 1920-х гг. совершал архиепископ Герман. М. Филин руководил духовной работой среди беженцев до 1937 г. Его сменил настоятель финского православного прихода в Выборге Леонидас Хоманен. Тогда же канцелярия духовного призрения была переведена из Йоэнсуу в Выборг⁷⁹.

Мирный ход жизни финляндского православия был нарушен событиями советско-финской войны 1939–1940 гг., когда все финляндские монастыри, резиденция архиепископа и значительная часть приходов (на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии) оказались на территории, занятой советскими войсками или по условиям Московского мирного договора 1940 г. подлежащей передаче Советскому Союзу. Население этих территорий, в том числе православное, почти полностью эвакуировалось в глубь Финляндии. Братию Валаамской обители эвакуировали при помощи военных в Папинниемеи, в Хейнявеси, где был основан Ново-Валаамский монастырь. В районе Хейнявеси, в Палокки, обосновались и эвакуированные монахини Линтульского монастыря. Печенгский монастырь во время войны заняли советские войска, однако монахам было вскоре разрешено вернуться. В 1942 г. печенгские монахи решили переехать на Новый Валаам⁸⁰. Для коневских монахов игумен Маврикий поначалу нашел новое место в деревне Хамула в волости Кейтеле в Северном Саво⁸¹. К 1956 г. из братии осталось всего 9 человек, которые решили присоединиться к нововалаамской общине⁸². Резиденция Финляндского архиепископа переместилась из

Сортавалы в Куопио. Карельский беженский приход просуществовал до начала 1950-х гг. Его ликвидация была поставлена на повестку дня в Министерстве просвещения в 1953 г., когда в списках прихожан числилось не более 500 человек. Л. Хоманен перевел последних восточных карелов в приходы по месту их проживания в начале 1955 г.⁸³ Устраивать церковную жизнь православных в Финляндии пришлось на новых местах и в новых условиях.

Таким образом, на протяжении первых двух десятилетий независимости Финляндии православная Церковь в этой стране, несмотря на все трудности, играла роль объединяющего центра для эмигрантов и беженцев из России, обеспечивая им духовную поддержку. Наличие православной церковной структуры в Финляндии можно назвать в числе факторов, облегчавших выходцам из России адаптацию на новом месте и поддержание своей национальной идентичности в условиях разобщения с родиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Kirkinen H., Railas V. Ortodoksisen kirkon historia. Kuopio, 1963. S. 200.*
- ² *Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и православная Церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (Из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск, 1997. С. 98–99.*
- ³ Там же. С. 97; *Kirkinen H., Railas V. Op. cit. S. 209.*
- ⁴ *Kirkinen H., Railas V. Op. cit. S. 209.*
- ⁵ *Kreikkalais-katolinen kirkkokuntamme // Helsingin Sanomat. 1925. 26 kesäkuuta.*
- ⁶ *Laatokka. 1918. 24 elokuuta.*
- ⁷ ГА РФ, ф. Р–5826, оп. 1, д. 174, л. 5 об.
- ⁸ *Kirkinen H., Railas V. Op. cit. S. 210; Яровой О. А., Смирнова И. А. Указ. соч. С. 102.*
- ⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб), ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 81, 83; *Известия. 1918. 18 августа.*
- ¹⁰ *Известия. 1918. 18 августа.*
- ¹¹ *Tanner V. Tarton rauha. Sen syntyvaiheet ja vaikeudet. Helsinki, 1949. S. 114.*
- ¹² *Hufvudstadsbladet. 1918. 29 november; Kirkinen H., Railas V. Op. cit. S. 210.*
- ¹³ *Helsingin Sanomat. 1918. 24 syyskuuta.*
- ¹⁴ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее — ЛОГАВ), ф. 389, оп. 1, д. 5, л. 3; *Kirkinen H., Railas V. Op. cit. S. 211; Яровой О. А., Смирнова И. А. Указ. соч. С. 98–99, 106.*
- ¹⁵ Идея церковного триединства, однако, не была полностью забыта. Об этом говорит, в частности, решение Временного правительства Беломорской Карелии весной 1920 г. об отделении карельской Церкви от Русской Православной Церкви и объединении ее с православными Церквями Финляндии и Эстонии (*Дубровская Е. Ю. Общественная жизнь карельского населения Олонекской и Архангельской губерний в годы российской революции и Гражданской войны (1917–1920) // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 148*). Естественно, это решение осталось на бумаге.
- ¹⁶ 3-й округ включал в себя приходы Салми, Кителя, Питкяранта и Мантсисаари, 4-й — приходы Суоярви, Суйстамо, Соанлахти, Корписелькя и Аннантехдас, 5-й — приходы Йоэнсуу, Тайпале, Полвиярви и Иломантси, 6-й — приходы Сортавала, Кексгольм, Куопио, Савонлинна и Тиурала (ЛОГАВ, ф. 387, оп. 1, д. 20, л. 3).
- ¹⁷ *Kirkinen H., Railas V. Op. cit. S. 211.*

- ¹⁸ Ibid. S. 212–213; *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 101, 107. Возможно, избрание эстонского священника епископом Карельским было шагом в направлении предполагаемого сближения православных Церквей Финляндии и Эстонии.
- ¹⁹ В послании Патриарха Мелетия в адрес Финляндской Православной Церкви говорилось: «Мы даем благословение той автономии, которую Патриарх Московский Тихон уже дал Финляндской Православной Церкви, и определяем, что проживающие в Финляндии православные христиане со всеми их учреждениями отныне имеют право образовать одну особую церковную область, которая носит наименование Финляндской Православной архиепископии» (ЛОГАВ, ф. 389, оп. 1, д. 10, л. 1).
- ²⁰ Там же, л. 5.
- ²¹ *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 102.
- ²² Там же. С. 103.
- ²³ Valamon luostarin ja useiden Helsingin kreikankatolisen seurakunnan jäsenten opetusministeriön kautta Valtioneuvostolle jättämä esitys (ЛОГАВ, ф. 389, оп. 1, д. 9, л. 1).
- ²⁴ Там же, л. 2–3.
- ²⁵ Известия. 1923. 12 августа.
- ²⁶ *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 119–120, 158–159; *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 221.
- ²⁷ Известия. 1923. 12 августа.
- ²⁸ Kansallinen Arkisto (Национальный архив, Хельсинки; далее – КА), Etsiva Keskuspoliisi – Valtiollinen poliisi (Коллекция Центральной сысской полиции – Государственной полиции; далее – ЕК-Valpo), Ryhmä XVII, Kirkolliset olot, Kansio 382.
- ²⁹ ЛОГАВ, ф. 389, оп. 1, д. 9, л. 6.
- ³⁰ Там же, д. 5, л. 1–1 об.; д. 9, л. 6–7.
- ³¹ Там же, д. 10, л. 3.
- ³² *Kirkinen H., Railas V.* Op. cit. S. 215; *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 109.
- ³³ В этой должности он оставался до 1960 г., умер год спустя (*Kirkinen H., Railas V.* Op. cit. S. 222).
- ³⁴ *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 133.
- ³⁵ Авторы газеты «Ууси Пяйвя» писали о том, что «не мешало бы подумать о том, не пора ли как Валааму, так и Коневцу перестать быть монастырями и начать служить другим целям» (Цит. по: ГА РФ, ф. Р–5801, оп. 1, д. 39, л. 103).
- ³⁶ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 762, оп. 1, д. 114, л. 8.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же, л. 17.
- ³⁹ Там же, л. 15–16.
- ⁴⁰ *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 135–136.
- ⁴¹ НА РК, ф. 762, оп. 1, д. 114, л. 6, 26.
- ⁴² *Sadovnikov A.* Yleissilmäys luostarin nykyiseen elämään // *Karjala*. 1926. 29 huhtikuuta. Разрыв связей с Россией и прочие трудности вызвали сокращение числа насельников и в других финляндских православных обителях. В Коневском монастыре в 1910 г. было 105 монахов и послушников, а в 1933 г. – 33 (*Баишакофф Н., Лейнонен М.* Из истории быта русских в Финляндии // *Studia Slavia Finlandesia*. Т. 7. Helsinki. 1990. С. 64). В Линтульском женском монастыре в 1926 г. оставалось около 40 монахинь. Хозяйственное положение монастыря, по сравнению с периодом до 1917 г., заметно ухудшилось (ЕК:n Terijoen alaosaston tilannekatsaus N:o 14. 30.6.1926 // КА, ЕК-Valpo, Ryhmä XVII. Kansio 382).
- ⁴³ НА РК, ф. 762, оп. 1, д. 114, л. 18.
- ⁴⁴ Там же, л. 28.
- ⁴⁵ *Sadovnikov A.* Yleissilmäys luostarin nykyiseen elämään.
- ⁴⁶ В письме на Валаам митрополит Антоний объяснял причину отказа в визе тем, что «некоторые попы наговорили начальству, что я черносотенец и буду бороться против введения нового стиля, и тогда, несмотря на данное Преосв[ященному] Сера-

фиму обещание о выдаче мне визы, таковой мне так и не выслали, хотя я неоднократно повторял напоминание» (НА РК, ф. 762, оп. 1, д. 116, л. 7).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Онуфрий (Маханов), иеродиакон*. Остров Валаам как центр православной жизни русской эмиграции в Финляндии // Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. СПб., 2004. С. 171.

⁴⁹ КА, ЕК-Valpo, Ryhmä XVII, Kirkolliset olot, Kansio 382.

⁵⁰ *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 123–124.

⁵¹ КА, ЕК-Valpo, Ryhmä XVII, Kirkolliset olot, Kansio 382.

⁵² *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 127.

⁵³ НА РК, ф. 762, оп. 1, д. 116, л. 18.

⁵⁴ По утверждению прессы, среди них были 17 человек, которые приехали или вернулись на Валаам в 1923–1924 гг. из Петрограда и Москвы и дали письменное обязательство соблюдать новый стиль и подчиняться распоряжениям правительства и Церковного управления, но теперь его нарушили. Управление обратилось в Министерство церковных дел и просвещения с ходатайством о высылке этих людей в Советскую Россию (Laatokka. 1925. 14 marraskuuta; Karjala. 1926. 8 lokakuuta).

⁵⁵ Hufvudstadsbladet. 1926. 24 mars; Helsingin Sanomat. 1926. 22 kesäkuuta.

⁵⁶ ЕК:n Sortavalan alaosaston tilannekatsaus N:o 14, 30.7.1926 // КА, ЕК-Valpo, Ryhmä XVII, Kansio 382; Uusi Suomi. 1926. 22 lokakuuta.

⁵⁷ Многие старостильники, сосланные в дальние скиты, в начале 1930-х гг. были возвращены в монастырь. (См. *Онуфрий (Маханов), иеродиакон*. Указ. соч. С. 177).

⁵⁸ ЕК/KD N:o 252/30 1925 // КА, ЕК-Valpo, Ryhmä XVII, Kansio 382.

⁵⁹ Русские вести. 1926. 3 января.

⁶⁰ Ptlalehti. 1926. 22 maaliskuuta.

⁶¹ Lyhennys pöytäkirjasta, joka tehtiin kirkollisen alioikeuden istunnossa Sortavalassa heinäkuun 14 päivänä 1926 (ЛОГАВ, ф. 1, оп. 16, д. 1333, л. 23–23 об.).

⁶² ЕК:n Terijoen alaosaston tilannekatsaus 16.4.1926 // КА, ЕК-Valpo, Ryhmä XVII, Kansio 382.

⁶³ *Sadovnikov A.* Karjalan kannaksen venäläistyttämisyrietykset kirkkojen avulla // Karjala. 1926. 18 huhtikuuta.

⁶⁴ *Баумакофф Н., Лейнонен М.* Указ. соч. С. 56–58. После окончания войны 1941–1944 гг. между СССР и Финляндией Покровская и Никольская общины перешли под юрисдикцию Московской Патриархии.

⁶⁵ Helsingin Sanomat. 1929. 6 toukokuuta.

⁶⁶ Всего в 1920–1930-х гг. в Финляндии насчитывалось около 10 тыс. русских беженцев и эмигрантов, в подавляющем большинстве православных.

⁶⁷ В частности, по данным относительно приходов Карельского перешейка на 1924 г., приведенным А. Садовниковым, к Красносельскому приходу, включавшему в себя общины в Муолаа, Кююрёля, Валкъярви и Хейнйоки, принадлежали 2094 человека (из них 108 российских граждан), к приходу Райвола — 2032, к приходу Уусикиркко (Новая Кирха) — 769 человек (из них 371 русский), к приходу Терийоки — 881 (из них 738 российских граждан) и к приходу Келломяки — 364 человека (из них 280 российских граждан) (*Sadovnikov A.* Karjalan kannaksen venäläistyttämisyrietykset kirkkojen avulla).

⁶⁸ НА РК, ф. 762, оп. 1, д. 116, л. 18; КА, ЕК-Valpo, Ryhmä XVII, Kansio 382.

⁶⁹ *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 141, 144.

⁷⁰ *Онуфрий (Маханов), иеродиакон*. Указ. соч. С. 177.

⁷¹ *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 139–140.

⁷² Там же. С. 145–146.

⁷³ *Sadovnikov A.* Yleissilmäys luostarin nykyiseen elämään.

⁷⁴ *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Указ. соч. С. 151–152.

⁷⁵ *Баумакофф Н., Лейнонен М.* Указ. соч. С. 66.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- ⁷⁶ Konevitsan luostari. Keuruu, 1993. S. 94–101.
- ⁷⁷ 1-й округ охватывал территорию от Нурмеса до Кюминлинна, 2-й — Кухмониemi и его окрестности, 3-й — Каяни, Хюрюнсальми и Суомуссалми и 4-й — Куусамо и Тайвалкоски.
- ⁷⁸ Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuodelta 1931 // KA, Valtion Pakolaisavustuskeskuksen Arkisto (Коллекция Государственного центра помощи беженцам). I. N:o 1.
- ⁷⁹ *Невалайнен П.* Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 212–213.
- ⁸⁰ *Башмакофф Н., Лейнонен М.* Указ. соч. С. 72–73.
- ⁸¹ Konevitsan luostari. S. 117.
- ⁸² *Башмакофф Н., Лейнонен М.* Указ. соч. С. 66.
- ⁸³ *Невалайнен П.* Указ. соч. С. 213.